

УДК 330.341.2

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ СИСТЕМЫ ОСНОВНЫХ БАНКОВ

Дружинин Н.Л.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Подробная информация об авторах размещена на сайте
«Ученые России» - <http://www.famous-scientists.ru>

Представленная статья посвящена истории создания в Японии в конце 1940-х гг. системы основных банков. Этот процесс был тесно связан с деятельностью американских оккупационных властей и фактически стал решающим вопросом в дискуссиях о путях реформирования японской экономики. Принятый вектор развития надолго определил судьбу японской финансовой системы. Содержание этих дискуссий раскрывается в данной статье.

Ключевые слова: Япония, институт, транзакционные издержки.

Причины, по которым японские банки сохранили свои позиции и даже их усилили за время американской оккупации (1945 – 1952 гг.), различны. Можно отметить наличие системы взаимосвязанных факторов, рассмотрение которых в отрыве друг от друга не может прояснить суть достаточно сложных институциональных изменений. Действительно, традиционная аргументация, объясняющая сохранение банковской системы Японии исключительно нежеланием японских и оккупационных властей ее реформировать не может быть признана удовлетворительной хотя бы потому, что целый ряд официальных документов и распоряжений американского командования, а также японских органов власти (принятых на самом высоком уровне под давлением штаба оккупационных войск) выдвигали задачу коренного реформирования японской банковской системы в качестве особо важной и неотложной. Так, в частности, к этому можно отнести аналитические выводы комиссии Эдвардса (доклад, опубликованный в марте 1946 г.); официальные документы Государственного департамента США (SWNCC 302, FEC 230), стандарты реорганизации банковского сектора, подготовленные главой антимонопольного отдела штаба оккупационных войск Э. Уэлшом и принятый на его основе японским парламентом закон № 207 от 9 декабря 1947 г.

«Об устранении чрезмерной концентрации экономической мощи». Собственно говоря, американские власти никогда не скрывали своего настойчивого желания подвергнуть все основные сферы японской деловой жизни, включая и банковский сектор, демонополизации, и все же в силу целого ряда причин им не удалось осуществить намеченное в полной мере.

Прежде всего, в этом им помешала непримиримая, хотя и достаточно неконфронтационная позиция представителей японского бизнеса и экономическая политика японских властей. Несмотря на условия оккупации и обязанность выполнять все распоряжения американского штаба, японская сторона все же имела определенные возможности как в переговорном процессе относительно предстоящих изменений, так и в ходе выполнения предписаний американских властей. Хотя условия такого маневрирования были крайне ограничены, используя объективные преимущества в деле управления собственной страной, японцам зачастую удавалось вносить существенные коррективы в планы оккупационной администрации. Важную роль в том, что это произошло, как представляется, играли два основных фактора: во-первых, японское общество в целом оказалось достаточно сплоченным и внутренне устойчивым перед лицом сильнейшего внешнего воздействия, формально согла-

шаясь с множеством институциональных изменений, оно сохраняло невидимые связи и отношения неформального порядка, что позволяло ему уберечь себя от опасных побочных деструктивных проявлений, деморализации, упадка и распада. И, во-вторых, японское общество оказалось в значительной степени подготовленным к неизбежным радикальным реформам, было в состоянии правильно понять, оценить и по возможности использовать намерения американских советников, в полную силу демонстрируя при этом традиционные для японцев способности к эффективному заимствованию зарубежного опыта и его адаптации к собственным условиям.

Разработка программы действий в отношении финансовой системы была возложена на команду профессиональных экономистов из США – комиссию Эдвардса (1946 г.) Комиссия Эдвардса обратила внимание на недопустимо высокий уровень концентрации банковского капитала в четверке крупнейших дзайбацу и определила необходимость проведения мер по демонополизации банковского сектора японской экономики с целью увеличения числа кредитных институтов и обеспечения более свободного доступа всех экономических агентов (а не только дзайбацу) к источникам финансирования. В то же время в докладе не было четкой программы реформирования банковского сектора – в сложившей обстановке общей неопределенности это было решающим условием того, что реальные институциональные изменения не могли быть осуществлены, по крайней мере в ближайшее время на основе результатов работы данной комиссии.

То, что банковской системе Японии удалось избежать серьезных потрясений, во многом было связано с личными взглядами и убеждениями американских советников. Поскольку в самих Соединенных Штатах коммерческим банкам было запрещено иметь промышленные или торговые филиалы, для американских специалистов оккупационного штаба банковская сфера представляла собой все же нечто обособленное от индустрии и коммерции. Такие взгляды становились основой для принятия исторических институциональ-

ных решений, хотя и не согласовывались с японской практикой использования банков в семейных холдингах. Вопросы реформирования банковской сферы выносились на особое рассмотрение, при этом общие требования и указания программ демонополизации не распространялись на финансовый сектор автоматически.

На основе рекомендаций комиссии Эдвардса был составлен список концернов, подлежащих санкциям. Согласно постановлению № 567 от 25 ноября 1946 г., эти концерны лишались всех своих пакетов акций, их дочерним фирмам предлагалось избавиться от недавно приобретенных акций, а сотрудникам концернов запрещалось занимать одновременно посты в смежных структурах. Эти меры означали относительно мягкие кадровые перестановки и изменение структуры собственников акций. Они были направлены против сдерживающего свободную конкуренцию монополизма и системы личной унии, фактически для многих организаций это было лишь начало процесса демонополизации. Для банков участие в этих программах было не слишком обременительно, учитывая то, что они отстранялись от фактической деконцентрации. Оценить значение этих нюансов новых правил можно лишь в сравнении с тем, что происходило в отношении других членов дзайбацу, которые, кроме всего прочего, подверглись крайне болезненному разделу на множество составных частей. Банкам удалось избежать этой участи как раз благодаря выделению их в специальную группу согласно постановлению № 567.

Под влиянием отчета комиссии Эдвардса штаб оккупационных войск в рамках программы демилитаризации финансовой системы Японии пытался обеспечить функционирование в Японии достаточно либеральной финансовой системы. В частности, инструкция SCAPIN 863 от 5 апреля 1946 г. помимо отмены системы устоявшихся связей коммерческих банков с военно-промышленными предприятиями устраняла вместе с тем и государственный контроль над частным кредитом. Это было революционное по своей сути решение, в корне менявшее устоявшуюся практику предвоенного и военного времени.

Создание свободной банковской системы, представление банкам права свободного кредитования, а заемщикам заимствования по своему усмотрению провозглашалось в качестве неотъемлемого условия демократизации экономической жизни Японии [4, С. 33]. Между тем это решение не учитывало всю совокупность тех институциональных условий, в которых приходилось работать коммерческим банкам Японии: они, как правило, были включены в состав групп дзайбацу и были вынуждены выдавать кредиты на различные нужды членам холдинга в обязательном порядке, т.е. не имея возможности самостоятельно оценивать уровень перспективности проектов и связанных с ними рисков. Эта преданность группе блокировала действие основополагающих принципов свободной рыночной экономики и не позволяла достичь системе тех целей, которые преследовали американские оккупационные власти.

Помимо прочных сформированных за долгие годы связей между банками и предприятиями имелись и иные причины, по которым было целесообразно продолжать кредитование своих старых клиентов, положение которых было хорошо известно банкам. Дело в том, что тяжелое финансовое положение предприятий зачастую не позволяло им демонстрировать образцовую отчетность, однако наличие некоторых проблем еще не являлось достаточным основанием для отказа в кредитах или переходе к процедуре банкротства. Безусловно, это было оправдано лишь в случае потенциальной жизнеспособности соответствующих компаний, наличия реальных бизнес-проектов и профессионального менеджмента. Как отмечает М. Аоки: «Строгий сравнительный институциональный анализ показывает, что когда прибыльность предприятия еще очень низка, признание банком в небольших размерах убытков по кредитам предприятия по сравнению с немедленной ликвидацией последних может быть оправданным решением с точки зрения соображений эффективности, хотя предприятия должны с неизбежностью наказываться за совсем слабые результаты своей деятельности в целях борьбы с проявлениями субъективных рисков инсайдеров» [1, С. 381].

Тем не менее для преодоления негативных побочных эффектов складывавшейся системы слишком мягкого финансирования штабу оккупационных войск и японскому правительству вскоре пришлось пересматривать принятое решение и вновь вводить меры государственного регулирования кредитной сферы с целью борьбы с инфляцией для более производительного использования финансовых ресурсов. Характерно, что в этом вопросе взгляды представителей американского штаба совпали с интересами японской бюрократии, которая стремилась восстановить свои полномочия и контроль над частным финансовым сектором и усилить собственные права по распределению финансовых средств и по определению конкретных направлений инвестиций в реальный сектор японской экономики.

Именно поэтому 1 марта 1947 г., с одобрения оккупационных властей, и в соответствии с идеей тогдашнего министра финансов Японии Т. Исибаси о необходимости приоритетного развития ключевых отраслей экономики путем концентрации в них всех имеющихся ресурсов министерство финансов Японии выпустило новые инструкции для финансовых учреждений относительно вопросов кредитования, которые возобновляли строгий бюрократический контроль в сфере частного кредитования. Все отрасли промышленности были разделены на три группы в зависимости от их важности для общего восстановления экономики. Доступ к кредитам частных банков напрямую зависел от того, к какой группе было отнесено то или иное производство. Приоритет получили базовые отрасли, связанные с производством стали, удобрений, добычей угля. Менее значимые для обозначенных целей секторы экономики имели крайне ограниченный доступ к кредитам.

Это институциональное изменение де-факто означало возврат к условиям системы 1940 г. Ведь в 1937 г. уже принимался закон о временном использовании денежных фондов (о контроле за капиталами), на основании которого государство оставляло за собой право регулировать направления кредитования, осуществляемого частными коммерческими банками. В

1940 г. этот закон был дополнен инструкциями для банков и других финансовых учреждений относительно размещения денежных фондов, которые базировались на законе 1938 г. о национальной мобилизации. Все эти юридические нормы вместе с рядом неформальных мер воздействия образовывали достаточно устойчивую институциональную систему, которая характеризовалась сильнейшей вовлеченностью государства в экономические процессы, монополизацией экономики, приоритетным развитием крупных производств военно-промышленного комплекса, направленностью на быструю реализацию поставленных целей путем концентрации значительных ресурсов как государства, так и частного бизнеса.

Концентрация средств для финансирования государственных проектов была центральным звеном в сложившейся мобилизационной системе, которая все же оставалась вполне рыночной, капиталистической, где без соответствующего финансирования достичь запланированных результатов было невозможно. Естественно, что банки занимали в этой схеме далеко не последнюю роль, более того, уже тогда именно вокруг банков начинали складываться производственные цепочки и субподрядные пирамиды, оформившиеся после войны в устойчивые финансово-промышленные группы – кэйрэцу. Как отмечает К. Икэо, образование кэйрэцу, не имевших ничего общего с дзайбацу, было результатом отношений, сложившихся в военный период благодаря синдицированию кредитов, которое объединяло и связывало различные финансовые институты, усиливая их взаимозависимость и развивая партнерство между ними [2, С. 11]. С другой стороны, привязка отдельных банков к соответствующим промышленным предприятиям в рамках обязательных мероприятий по финансированию военного производства способствовала установлению между ними тесных связей и активному взаимодействию. То, что в военный период коммерческие банки под давлением государства профинансировали предприятия военно-промышленного комплекса в значительной степени предопределило сохранение курирования коммерческими

банками своих заемщиков и заложило основы серьезного аутсайдерского контроля за процессами управления корпорациями.

Завершение споров вокруг судьбы японских банков имело позитивное значение для всей японской экономики, по существу, это означало, что был сделан окончательный выбор в пользу развития Японии на базе старой системы 1940 г., т.е. с использованием механизмов концентрации экономической мощи, государственных возможностей по регулированию и управлению макроэкономическими процессами. Данная стратегия предопределяла быстрое догоняющее развитие японской экономики на основе выработки общенациональных планов, заимствования опыта передовых стран в технологической и организационной сферах, фактическом совмещении всех пригодных и эффективных способов хозяйствования вне зависимости от их идеологической принадлежности. Активное государственное вмешательство в экономику, как отмечал С. Цуру, подразумевало использование модели смешанной экономики, которая стала адекватным ответом Японии на послевоенные вызовы [3, С. 101].

Японские банки сохранились как мощные финансовые центры, именно на них была сделана ставка в новой экономической структуре, государство активно способствовало кредитной экспансии коммерческих банков, создавая специальные условия для придания последним приоритетного положения. Немалая заслуга в этом принадлежала американской стороне, поскольку она смогла все же найти оптимальный вариант реформирования финансовой сферы Японии, не разрушая эффективную банковскую систему и одновременно трансформировав ее в соответствии с планами по финансовой демилитаризации, ориентируя на выполнение конструктивных национальных задач. Создавалась новая институциональная структура и происходило это не под воздействием свободных рыночных сил, а в результате активного государственного вмешательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аоки М. Вводные замечания / Корпоративное управление в переходных

экономиках. Инсайдерский контроль и роль банков / Под ред. М. Аоки, Х. Кима. СПб., 1997.

2. Икео К. The Financial System of Post-1945 Japan: Its Formation, Development, and Deterioration. Faculty of Economics, Keio University. May 2000. Интернет источник: сайт министерства финансов

Японии <http://www.mof.go.jp/jouhou/soken/kenkyu/ron007-1.pdf>

3. Tsuru Sh. Institutional Economics Revisited. Cambridge. 1993.

4. Tsutsui W. Banking policy in Japan. American efforts at reform during the Occupation. N.Y., L., 1988.

PRECONDITIONS OF CREATION IN POST-WAR JAPAN SYSTEMS OF THE BASIC BANKS

Druzhinin N.L.

St.-Petersburg state university, St.-Petersburg

Submitted article is devoted to a history of creation in Japan at the end of 1940th of the basic banks system. This process was closely connected to activity of the American occupational authorities and actually became deciding question in discussions about ways of reforming of the Japanese economy. The accepted vector of development for a long time has determined destiny of the Japanese financial system. The contents of these discussions is opened in given article.

Keywords: Japan, institute, transaction costs.

